

КАЗАХИ: нация, устремленная в будущее

Сегодняшний день ставит перед казахстанским обществом массу серьезных и неожиданных вопросов, которые требуют ответа и осмысления. Например, требует изучения состояние современного казахского этноса, его ценности, самооценка и перспективы.

НАРОД С БОЛЬШОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ

Казахи – потомки древних тюрков как народ прошли свою долгую историю. Но, несмотря на тяжелейшие испытания, сохранили свое государство, свои национальные корни и память.

Одним из могучих инструментов сохранения памяти, кроме прочего, было обязательное условие: знание своей родословной, предков до седьмого колена – шежире. Если для Европы знание родословной генеалогии было обязательным условием только для коронованных особ, то любой казахский мальчик должен был знать наизусть свои корни, свое происхождение. И даже в самые тяжелые годы коммунистического засилья, когда шла острая борьба за искоренение исторической памяти, казахи тщательно оберегали свою историю. Более того, вместе с наступлением всеобщей грамотности, генеалогия-шежире стала аккуратно переноситься на бумагоносители, а с появлением Интернета и вовсе принимает систематизированный вид. Европейскому индивидууму здесь не все понятно, но казахские роды и жузы в свое время играли исключительно важную социальную роль. Роды быстро объединялись в военные союзы, были мобильны, а в условиях отсутствия централизованного государства племена и тейпы, как правило, выступали в роли оберегающей семейной ячейки. Изгнание из рода было тяжелейшим наказанием для человека, с этого момента изгой лишался защиты и повсеместно подвергался остракизму.

Согласно национальным традициям, казахам категорически запрещено жениться на девушках из своего рода до седьмого колена. Подобное табу имеет древние корни и служит мощнейшим препятствием кровосмесительству, что улучшает генетический код. Вместе с тем знание родословной внутренне сплачивает народ. Как ни покажется парадоксальным, у казаха сомнение в этничности, идентификации может вызвать незнание своей родословной, в то же время знание рода – это своеобразный пароль.

Но нельзя думать, что родовая принадлежность носит сакральный, антагонистический характер. Наоборот, родовая принадлежность и

отличия нередко служат объектом для шуток и различных розыгрышей. Как историк полагаю, что и современные казахи, и их предки четко понимали, что в своей основе Казахское государство в середине XV века было создано как союз близкородственных кочующих племен. В то же время казахи видят свое происхождение от единого предка – мифического правителя Алаша-хана, что позволяет им чувствовать себя единым целым. И сегодня многие ценности прошлого, традиции, верования продолжают определять поведение современных казахов.

Процесс присоединения казахских земель к Российской империи шел очень долго и занял более ста лет. Причиной тому послужило отнюдь не письмо хана младшего жуза Абулхаира в 1731 году. Проблема заключалась в разделении сфер влияния между Российской империей и Британской короной, вследствие чего вся территория в конечном счете в результате тайных переговоров в 50–60-е годы XIX века была поделена между великими державами. С момента включения в состав Российской империи судьба казахского населения была уже не в собственных, а в чужих руках.

В советский период казахи вступили как народ доиндустриальный. Большевики в 20-е и 30-е годы XX века очень неэффективно и жестоко провели политику индустриализации и коллективизации в Степном крае. Прежняя культура и быт были принесены в жертву политике урбанизации и ускорения по-советски. В бескрайних казахских степях сотнями строились новые промышленные центры по добыче угля, производству стали, цветных металлов, тысячекилометровые железные дороги, управление которыми было в Москве.

В этот же период параллельно шли идеологические атаки, страшные по своим последствиям, например, кампании против "местного национализма". Они преподносились как борьба с "отсталостью и буржуазными пережитками". Любой, кто осмеливался возразить против курса кремлевских вождей, тут же обвинялся в "национал-сепаратизме" и подлежал репрессиям – высылке в лагеря ГУЛАГа, шельмованию и расстрелам. Такими беспощадными методами большевизм пытался покончить с последними кочевниками Евразии.

В мире было много случаев оседания (седеритазиции) кочевников. Например, процесс оседания берберов Аравии. Но там этот процесс был постепенным, без насилия, с сохранением рациональных способов ведения хозяйства и традиционного уклада жизни.

РАЗРЫВ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ДЕКЛАРАЦИЯМИ

Надо подчеркнуть: к чести казахских интеллектуалов начала XX века, именно они – Алихан Букейханов, Мустафа Шокай, Ахмет Байтурсунов, Халел Досмухамедов и другие деятели Алаш-Орды – выдвинули лозунг о создании Казахской автономии с выборным главой государства – президентом и представительными органами управления. Другая часть – Сакен Сейфуллин, Турар Рыскулов, Смагул Садвакасов, Сейткали Мендешов – приняла платформу большевиков и много сделала для становления Казахской ССР. Но советская власть беспощадно расправилась с обоими течениями внутри казахской политической элиты. Все они в кратчайшие сроки – с 1930 по 1938 годы – были уничтожены, жены их оказались в специальных лагерях, а дети – в сиротских домах. Крестьянские выступления в этот период были подавлены с помощью регулярных войск Красной армии. Перманентные репрессии в отношении отечественной интеллигенции в судьбе народа сыграли негативную роль. Те, кто смог, уже в 20–30-е годы эмигрировали за рубеж – в Китай, Иран, Монголию. Оставшаяся часть ушла как бы в подполье-андерграунд. Она не воспринимала советскую идеологию. Кстати, это видно по поэтическим произведениям советского периода, где не найдешь каких-либо серьезных произведений. Жамбыл Жабаев с воспеванием гения Иосифа Сталина, скорее, исключение, а не закономерность. И, скорее всего, эти стихи не являются произведениями Жамбыла Жабаева, а были написаны и выправлены кем-то из работников коммунистической партии.

В Казахстане и в 40-е, и в 60-е годы существовало движение диссидентства. Главный лейтмотив казахских диссидентов (Мубарака Еликбаева, Махмета Кулмагамбетова и других) – это несправедливость общественного строя, разрыв между реальностью и декларациями, проповедуемыми большевиками.

В советский период продолжают функционировать параллельные органы власти, основанные на вековых традициях и нормах шариата. Эти параллели были видны везде – в распределении должностей, обрядах сватовства (калым), похоронах. Причудливая параллель была видна даже на погребальных плитах, где наряду с красной звездой ставили исламский полумесяц.

В результате массовых кампаний по привлечению трудовых резервов из России, Украины, Белоруссии удельный вес коренного населения в республике стал стремительно падать и в 1959 году достиг отметки 29 процентов. Наиболее тяжелый удар по сознанию казахов нанесла политика насильственной коллективизации, ломка вековых традиций кочевничества. За короткий срок конные кочевники стали превращаться в заурядных сельских жителей колхозов и совхозов. Стало

меняться и поведение самих казахов. На первый план выдвигались не самые лучшие, а партийные активисты – аткаминеры.

Сильнейшей деформации, если не сказать красногвардейским атакам, подвергалось богатое наследие древних тюрков. Начали сбываться пророческие стихи и предупреждения поэтов XVIII–XIX веков – Бухаржырау, Мурата Монкеұлы, Дулата Бабатай-ұлы.

Пропагандистский напор большевиков, постулаты о скорейшем строительстве мифического коммунизма серьезно подорвали мироощущение народа. Начиная со школьных программ, всеми формами пропаганды стал создаваться положительный образ "старшего брата" – коммунистической партии, знающей, как надо жить и как строить светлое будущее. Как и все народы СССР, казахи оказались в "железных границах", откуда невозможно было выбраться и куда не попадала объективная информация.

Вместо вековых и апробированных ценностей народа партийная пропаганда рекламировала Павлика Морозова, Пашу Ангелину, других идеологических идолов, которым надо было непременно подражать и поклоняться. Повсеместно подвергались испытаниям наивные представления кочевников о чести, о достоинстве. Но в период Великой Отечественной войны вчерашние номады показали себя как мужественные воины. Из народов Востока казахи занимают первое место по числу Героев Советского Союза, девушки-герои – тоже казашки.

Отторжение вековых традиций породило в людях чувство растерянности и национальный дискомфорт. Старшее поколение – хранители ценностей уходило в иной мир. Их место начали занимать бывшие парторги, которые, как Коран, объясняли кодекс строителей коммунизма. И только, как маяки, до сих пор светят бесценные шедевры народных эпических сказаний о батырах Алпамысе, Кобыланды, ханах Жанибеке и Керее, Тауке, Абылае и Кенесары, разрешенные стихи Абая, а после реабилитации – произведения Сакена, Ильяса, Беимбета... Советская власть для казахов всегда была властью, навязанной извне. Несмотря на такие достижения, как получение автономии, ликвидация неграмотности и т. д., казахи тяготились этой властью. Она была для них как рубашка с чужих плеч. И попытка Москвы в декабре 1986 года лишний раз продемонстрировать свою силу привела к взрыву.

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Распад СССР, а значит, и всей политической машины, обретение независимости породили, особенно на первом этапе, чувства эйфории и надежды. За короткий срок сформировалась национальная буржуазия.

Немало молодых казахов выросли в атмосфере отчуждения от национальных корней, и на государство они больше смотрели как на источник добычи богатства. Благо, тому способствовали развитые родственные связи, характерные для многих восточных народов.

В целом выросшие в 90-е годы новые капиталисты были по своей сути больше коллаборационистами, что вскоре и проявилось. Многие из них, кстати, стали жертвами ловкачей международного масштаба и попусту растеряли свои богатства, сделанные в период масштабной приватизации.

Другая часть пришла во власть и возглавила министерства, ведомства, как правило, различных секторов экономики. То есть в тех секторах, где можно было "делать" большие деньги. Их деяния – предмет особого разговора, поэтому ограничусь только констатацией факта.

Часть "новых казахов" ушла в оппозицию и стала устанавливать там свои правила игры. Более того, на мой взгляд, они стали спонсировать ряд социально-политических программ – где-то более удачно, где-то менее.

Но казахское традиционное общество продолжало жить своей жизнью. Огромные изменения внесла политика приватизации. Раздел земли, имущества совхозов породил ряд конфликтов, но богатые ресурсы, а может, и культура последних кочевников Евразии не позволили взорвать общество в целом, как это случилось, например, в России. Криминальные традиции и ценности в казахском социуме, культивировавшиеся в 90-е годы, не прижились. Народные традиции и ислам, думаю, не позволили криминалу взять верх в развивающемся казахстанском обществе. И все же рецидивы наживы денег, быстрого обогащения, характерные для транзитных, переходных обществ, не обошли стороной наш народ. Мелкие аферы, нарушения закона, ряд аморальных поступков имеют место быть и у нас.

Конец XX – начало XXI века стали переломными и в том смысле, что казахстанское общество в целом, как и многие постсоветские страны, разделилось на богатых и бедных. Этот разлом стал глубоким и до сих пор мало оценен отечественными исследователями.

Огромное значение и для всех казахстанцев, и для самих казахов имел перенос столицы из Алматы в Целиноград. Объявление о переносе столицы активно обсуждалось в народе. Здесь была целая гамма чувств – от страха и до изумления. Но решительные действия главы государства Нурсултана Назарбаева и очевидный успех в строительстве Астаны усилили чувство гордости казахстанцев. Вскоре неуверенность и

беспокойство сменились чувством удовлетворения за сделанное.

Прошедший в начале декабря 2010 года саммит ОБСЕ в Астане еще более укрепил в людях уверенность. В течение долгих лет Российской империи, а затем и советской власти нерусские народы находились в подчиненном положении, как правило, судьба республики решалась узким кругом лиц в Москве. Успех таких глобальных проектов, как перенос новой столицы и председательствование в ОБСЕ, совершили своеобразный прорыв в сознании казахстанцев. В равной мере это был успех и депортированных в Казахстан народов, испытывавших те же чувства униженности в советский период.

ЧУВСТВО "НА ПЕРЕЛОМЕ"

Задетое чувство национального достоинства заставляет казахов очень осторожно подходить к проблеме национальной идентификации. Например, в споре о понятии "казахстанский народ" Мухтар Шаханов и его сторонники не требовали каких-либо преференций, думаю, их пугала сама мысль быть размытыми и остаться обезличенными в мировой истории. Абсолютное большинство казахов, русских и представителей других диаспор было на стороне тех, кто поддерживал концепцию национальной идентификации.

До сих пор казахское население довольно сдержанно относится ко многим социальным программам за исключением тех, где задается его честь. В качестве примера можно привести дискуссии о Доктрине национального согласия, вызвавшие горячий отклик в казахстанском социуме. Дополнительным индикатором стала нерешенность в утверждении казахского языка как государственного.

Внутреннее смятение сегодня испытывает национальная интеллигенция. По-другому я бы назвал это как чувство "на переломе". С одной стороны, государство стало независимым, Казахстан стал полноправным членом многих авторитетных международных организаций. С другой – вызовы глобализации (их очень много) вызывают чувство настороженности, боязнь быть растворенными среди больших могущественных соседей. И в целом казахстанская интеллигенция слишком неоднородна и не столь мобильна, как, скажем, отечественная политическая элита. Лучшие представители казахской и всей казахстанской интеллигенции, как уже говорилось, периодически уничтожались в советский период. Многолетние репрессии, перманентное "промывание" мозгов породили слой людей, для которых главным стал девиз "как бы чего не вышло".

В целом, за редким исключением, отечественная интеллигенция даже в декабрьские дни 1986 года была боязливой и слишком осторожной. Но лучшие ее представители (Салык Зиманов, Султан Сартаев, Жабайхан Абдильдин, Ерик Асанбаев) сыграли исключительно важную роль в принятии Декларации о государственном суверенитете.

К началу XXI века кардинально изменилась и социальная структура казахского общества. На сегодня социум имеет те страты, группы, классы, которые характерны для стран с рыночной экономикой. Казахи заняты, где меньше, а где и больше, в бизнесе, государственном управлении, нефтегазовом и в аграрном секторах. Особенно заметно их стремление к получению образования. От героических предков им досталась огромная территория, богатая природными ресурсами, пространства, которые надо осваивать и осваивать.

К концу 2010 году казахи по численности составили значительное большинство в республике, что сделало их положение устойчивым. Но при исчислении населения следует иметь в виду, что до сих пор около 5 млн этнических казахов проживают вне самой республики, и большинство из них стремится вернуться в Казахстан.

К настоящему времени казахский социум находится в движении. Все его компоненты (численность, культура, ценности, социальное положение и т. д.) напряжены и испытывают сильнейший стресс. Импульсы, идущие от эпохи древних тюрков, Золотой Орды, не гаснут, а наоборот, нарастают. Народ стал чувствовать свою мощь. Новейший период в его жизни только начинается. Но болезни, полученные в наследство от прошлого, еще не полностью преодолены и довлеют над сознанием этноса. Если учесть образование Казахского государства в XV веке, то после обретения независимости в 1991 году казахи как народ, как сообщество выходят второй раз на арену мировой истории.

Буркитбай АЯГАН, доктор исторических наук, профессор // Экспресс К - № 13 (17128) от 27.01.2011.